

НЕОЖИДАННЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО (БЕГСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИЗ МОСКВЫ В ОЦЕНКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА)

Поступок Дмитрия Донского, покинувшего столицу перед лицом нашествия Тохтамышша на Москву, неоднократно привлекал внимание исследователей Древней Руси. Действительно, «пораженческое» поведение великого князя, за два года перед этим разбившего полчища «поганого» Мамаю «на усть Непрядве», явно не вписывалось в рамки традиционного образа героя Куликовской битвы. Видимо, поэтому исследователи прежде всего стремились дать объяснение столь необычным действиям Дмитрия Ивановича.

Чаще других приводится мнение, согласно которому «давшаяся тяжелой ценой и стоившая огромных потерь победа на Куликовом поле несколько ослабила русские военные силы». В связи с этим, ряд исследователей полагает, что «Дмитрий Иванович выехал из столицы для сбора ратных сил»¹. Однако указанная точка зрения, хотя и стала традиционной, не является единственной. В науке существует иная трактовка событий, наиболее полно представленная в исследовании М. А. Салминой, специально посвященному «Повести о нашествии Тохтамышша». По ее мнению, Дмитрий покинул Москву из-за «неединачества» и «неимоверства», возникших среди русских князей. «Именно из-за того, что князья «не хотяху пособляти друг другу и не изволиша помогати брат брату», великому князю Дмитрию, который с самого начала «хотя ити противу татар», пришлось оставить Москву»². Л. В. Черепнин в исследовании, посвященном процессу образования русского централизованного государства, высказал мнение, согласно которому «одной из причин, (а может быть, главной причиной), побудивших Дмитрия Донского покинуть Москву», являлось якобы назревавшее «антифеодалное восстание» горожан³. Наконец, авторы самой поздней по времени появления трактовки действий Дмитрия в 1382 году, обращая внимание на неоднократные указания источников на *царскую* титулатуру Тохтамышша (в отличие от Мамаю, которого, по всей видимости, на Руси воспринимали в качестве «узурпатора царства»), полагают, что отказ *великого князя* от открытого столкновения с ордынским ханом был связан с нежеланием вассала (Дмитрия) «биться» со своим сюзереном (Тохтамышем)⁴. Из всех приведенных, пожалуй, только последняя версия опирается на свиде-

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XI—XV вв. Ч. 2. М., 1953. С. 228. Ср.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 327; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975. С. 158—159 и др.

² Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамышша // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 149. См. также: Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957. С. 249 и др. И. Б. Греков связал поступок великого князя с изменением геополитической обстановки вокруг Москвы. По его мнению, решение об отъезде Дмитрий принял «в результате трезвого анализа создавшегося в июне-августе 1382 года положения в Восточной Европе, в результате трезвой оценки изменившейся общей расстановки сил в системе русских княжеств». (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. С. 158.)

³ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 634.

⁴ Юрганов А. Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX—XX вв. М., 1991. С. 61—62; Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Дис-

тельства самых ранних из дошедших источников — Симеоновской летописи и Рогожского летописца, отразивших, в свою очередь, т. н. «свод 1409 года» (Троицкую летопись)⁵. Остальные же трактовки причин отъезда великого князя из Москвы основываются либо на поздних рассказах летописных памятников (версия о «неединачестве» русских князей), либо на вовсе не подкрепленных текстами источников представлениях самих исследователей (поездка в Кострому для сбора ратных сил; отъезд перед лицом назревавшего «восстания»). Однако, вероятно, сам факт необычного (в рамках сформировавшихся стереотипов восприятия Дмитрия Донского) поведения великого князя и послужил основой *оправдательного* по отношению к Дмитрию пафоса упомянутых исследований.

Памятники, повествующие о событиях 1382 года, сохранились в двух версиях. Первая — краткая и самая ранняя, как показала М. А. Салмина, восходит к уже упоминавшемуся «своду 1409 года» (Троицкой летописи) и читается в Симеоновской летописи и Рогожском летописце (далее — Тр.)⁶. Рассказ Тр. достаточно лаконичен. В своих оценках поступка Дмитрия Ивановича летописец вполне лоялен. Автор версии Тр. по сути ограничился указаниями на то, что Дмитрий, «слышавъ, что самъ царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бон противу его, ни подня рѹкы противу царя, но поеха въ свои градъ на Костромѹ» и, что Тохтамыш, «слышавъ, что князь великїй на Костромѣ, а князь Володимеръ ꙗ Волока, поблюдаше[ся], чая на себе наезда, того ради не много дни стоявше ꙗ Москвы, но, вземъ Москвѹ, въскорѣ отиде»⁷. Упоминание же того факта, что за двенадцать дней до взятия ханом Москвы у Дмитрия Ивановича родился сын Андрей⁸, и вовсе придавало действиям великого князя характер вынужденного отступления; отступления, вызванного, помимо «комплекса царя» (термин А. А. Горского⁹), возможно, еще и желанием защитить семью¹⁰.

Вторая версия событий, связанных с «взятием» Москвы, изложена в летописной «Повести о нашествии Тохтамыша» («**О плѣнении и о приходе Тохтамыша царя, и о Московскомъ взятии**»).

Судя по всему, первоначальный вид «Повести» отразился в составе Новгородской IV (далее — НIV), Софийской I (далее — СI), а также Новгородской Карамзинской (сохранилась в единственном, пока неизданном списке РНБ. ОСРК. F. IV. 603 — далее НК) летописей¹¹. М. А. Салми-

сей. 1996. М., 1996. С. 207—208. Можно согласиться с мнением В. А. Кучкина, полагающего, что в отличие от ситуации 1380 года, когда «борьба шла против Мамай, могущественного, но темника», в 1382 году «требовалось бороться с чингизидом, законным ханом, которому русские князья приносили вассальную присягу и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времен обязаны были соблюдать». (Кучкин В. А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5—6. С. 77.)

⁵ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 143—144.

⁶ Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 136—137.

⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143—144; 146.

⁸ Там же. Стб. 143—144.

⁹ Горский А. А. О титуле «царь» в средневековой Руси. С. 208.

¹⁰ Кучкин В. А. Дмитрий Донской. С. 77.

¹¹ Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 136—143. Тексты «Повести» изданы: НIV // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925; СI // Там же. Т. 6. СПб., 1853; НК // ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981. См. также: Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 9—16; Лурье Я. С. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 266—269 и др.

на доказала, что в основе «Повести», читающейся в НІV, НК и СІ, лежал краткий рассказ Тр. Что же касается дальнейшей эволюции текста произведения («Повесть» в том или ином объеме представлена в большинстве поздних летописных сводов), то, по мнению М. А. Салминой, тексты «Повести», читающиеся в сводах, восходящих к НІV-НК-СІ, «являются уже переработками этих последних», т. е. практически не играют роли при восстановлении первоначальных чтений памятника¹².

Вопрос о времени создания «Повести» до сих пор остается дискуссионным, поскольку его решение связано с датировкой самих летописных сводов, в недрах которых появился пространный вариант памятника¹³. В настоящее время в науке существуют различные точки зрения не только относительно датировки летописных памятников, но и по поводу реконструкции самой истории летописания XV века. Не вдаваясь в детали развернувшейся полемики, отметим лишь, что, судя по всему, «Повесть» не могла возникнуть ранее 1409 года (т.е. времени создания летописного рассказа Тр., послужившего основным источником для составителя «Повести») и позднее 30-х годов XV века (т.е. времени, когда возникли содержащие ее летописные своды)¹⁴.

Рассказ «Повести» отличает, как нам представляется, более жесткая, нежели та, что дана в летописной статье Тр, оценка действий Дмитрия Донского. В 1382 году, по всей видимости, действительно, имело место сочетание факторов, способствовавших принятию великим князем решения об отъезде из Москвы. Оставив за скобками изучение истинных мотивов поступка Дмитрия, попытаемся выяснить, в чем видел причины отъезда великого князя и какую оценку его действиям давал ближайший потомок Дмитрия — автор «Повести о нашествии Тохтамыша». Это тем более важно, что большинство исследователей, помимо лаконичного рассказа Тр., часто обращаются к сведениям, содержащимся в «Повести». При этом в их задачу чаще всего входит не только реконструкция событий конца XIV века, но и попытка оправдания Дмитрия. Судя же по всему, автор произведения, описывая происходившее в Москве, преследовал иную цель...

Взяв за основу рассказ своего предшественника, автора летописной статьи 6890 года в «своде 1409 года», составитель «Повести» дал более подробное описание событий. Распространение рассказа осуществлялось им не только путем развития уже существующих образов и описаний, но и за счет внесения в текст ранее неизвестной информации, зачастую имеющей оценочный в отношении Дмитрия Донского характер. Попытаемся проанализировать подобного рода информацию и выявить

¹² См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 136—137.

¹³ Исследователи XIX века, изучавшие памятник еще до появления работ А. А. Шахматова по истории летописания, в основном, доверяли поздней версии Никоновской летописи. Однако, к сожалению, и в ряде работ советских исследователей история текста произведения изучалась в отрыве от истории содержащих эти тексты летописных сводов. Так выявляли первоначальный вид памятника (и, соответственно, датировали его) Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и ряд других уважаемых авторов. См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. С. 327 и далее; Очерки истории СССР. С. 228 и далее; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. С. 249, 251; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. С. 629—647 и др.

¹⁴ В настоящее время ряд исследователей предлагают датировать летописный свод, являвшийся протографом НІV-НК-СІ, 30-ми годами XV века. (См. подробнее: Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Спб., 1994. С. 113—114, 121). Оппоненты гипотезы о наличии общего протографа указанных летописей объясняют сходство чтений НІV-НК-СІ более сложными, нежели зависимость от одного общего источника, взаимоотношениями между их текстами и текстами ряда других летописных памятников. Однако при датировке интересующих нас летописей они также не выходят за рамки 20—30-х годов XV века. (См. Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 187—193, 196—197; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века (исследования и тексты). АДД. СПб., 1996. С. 29—33; он же. Редакции Новгородской четвертой летописи // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 122).

ее оценочный смысл.

Рассказы обоих источников о начале нашествия и о движении Тохтамыша к Москве в принципе мало чем отличаются: и та и другая версии повествуют о приказе хана грабить русских гостей «в Болгарах», о походе Тохтамыша **«на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую»**, об измене нижегородских князей (в том числе тестя (!) Дмитрия Донского — Дмитрия Константиновича Суздальского), а также рязанского князя Олега¹⁵.

Расхождения (и при этом, как нам представляется, существенные!) в оценке событий появляются там, где рассказ так или иначе касается поведения великого князя. На фоне прежнего единодушия обоих книжников такой переход видится неслучайным. Действительно, если ранний рассказ относительно поступка Дмитрия по сути ограничивается уже приведенной нами фразой о том, что великий князь не встал «на бой противу самого царя» и уехал в Кострому, то «Повесть» дает более подробную и во многом отличную от предыдущей версию развития событий. Согласно «Повести», **«слышав же князь великий (...), како идетъ на него самъ царь (...), нача свирати воя и съвокупляті полкі своа, и выеха из града Москвы, хотя иті противу тотаръ»**¹⁶. Однако возникло **«неединачество по неимовѣрству»** среди созванных Дмитрием **«дүмоу дүмати»** русских князей, воевод **«з дүмцами»**, вельможей и **«боляр старѣйшихъ»**. **«И то познавъ и разумѣвъ и рассмотревъ, — пишет автор “Повести”, — благовѣрніи [князь] бы в недомышленіи вѣлницѣ, и оубояся стати в лицѣ самого царя, и не ста на бои противу его, и не подня рүки на царя, но поѣха въ градъ свои Переяславль, и оттүду мимо Ростовъ, и паки рекү [вбо] рзѣ на Костромү»**. (**«А Күпріанъ митрофолитъ, — добавляет книжник, — приѣха на Москвү»**)¹⁷. Таким образом, объяснение поступка Дмитрия «комплексом царя» автора «Повести» не вполне устроило. В этом произведении великий князь, наоборот, пытается организовать сопротивление татарам, однако, потом (в силу каких-то обстоятельств) он «убоялся», после чего и уезжает в далекую и безопасную Кострому. (Любопытно употребленное книжником определение «вборзе»: тем самым как бы создается эффект быстрого перемещения, настоящего бегства великого князя из города в город.)

Вслед за упоминанием об отъезде великого князя из стольного града автор летописной статьи Тр. переходит к рассказу о приходе Тохтамыша к Москве и обороне столицы под руководством литовского князя Остея. В отличие от составителя ранней версии, автор «Повести» и тут распространяет рассказ предшественника: на этот раз он добавляет подробное описание ситуации в столице после бегства Дмитрия Донского: **«...во градѣ Москвѣ бысть мятня многа и мятежъ великъ зѣло»**, — пишет он, — **«вѣхү людие смүшені, яко овца, не имүще пастүха, гражаньстїи людие възмятошася и вѣсколѣбашася, яко пьяні...»**¹⁸. Как представляется, выделенная фраза одновременно служит и объяснением причин произошедшего в столице «мятежа», и в значительной мере дает представление об отношении автора к бегству Дмитрия Ивановича. Дело в том, что с позиций христианской этики (опирающейся в данном случае прежде всего на евангель-

¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 327—328; Т. 6. С. 98—99.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328; Т. 6. С. 99.

¹⁷ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328. Ср. в СИ: **«высть въ недоумѣніи и размышленіи»**. (Там же. Т. 6. С. 99.) И. И. Срезневский определял «недомышление» как ‘сомнение’, ‘затруднение’. (См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1898. Стб. 375.)

¹⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 328. Ср. в СИ: **«аки овца не имүще пастыря»**. (Там же. Т. 6. С. 99.)

¹⁹ Иоанн, 10. 11—12. Ср. с древнерусским текстом: **«...пастырю добрыи, положивый дүшю за овцѣ»** («Слово

ское слово: «...пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их...»¹⁹) Дмитрий поступает не так, как должно, нарушает эталон поведения князя-пастыря. Видимо, именно на эту сторону поступка героя Куликовской битвы указывает автор «Повести», описывая «мятеж» в столице. По его мнению, насколько об этом можно судить из приведенного отрывка, сам отъезд великого князя из осажденной столицы и послужил причиной «смущения граждан». (Таким образом, становится ясно, что отъезд Дмитрия произошел не из-за «назревавшего восстания» горожан, а, наоборот, бегство великого князя («пастыря») из города послужило причиной «смещения» жителей Москвы («овец».)

Автора «Повести» не удовлетворил также лаконичный рассказ летописной статьи Тр. о действиях князя Остeya в осажденной столице: книжник распространил известие, показав, как ему представлялось, истинную роль литовского князя в происходивших в Москве событиях. Если в статье «свода 1409 года» говорилось лишь о том, что Остей «в градѣ въ Москвѣ затворилъся (...) съ множествомъ народа...», то «Повесть» рисует полную драматизма картину бедствий москвичей в отсутствие великого князя («градѣ же единаче в мятежи смущающесе, аки морю мутящюся в бурн веліцѣ, и ни откудоу же оутѣшеніа обрѣтающе, нѣ паче болшихъ и поущьшихъ золь ожидааху»²⁰) и вслед за этим сообщает о приезде Остeya — «внѣка Ольгердовича». Остей, согласно «Повести», «окрѣпивъ народы и мятежь градный укротивъ»²¹. Таким образом, в «Повести» Остей предстает не просто как глава защитников города, но и как князь, сумевший преодолеть смуту, возникшую после отъезда Дмитрия Ивановича. Как представляется, анализ образа князя Остeya имеет немаловажное значение для выяснения авторской оценки поступка Дмитрия. В понимании автора «Повести», литовский князь как раз и сыграл роль того самого «пастыря», место которого оказалось вакантным после отъезда Дмитрия и без которого были «смущены» горожане. Остей по сути заменяет Дмитрия, бежавшего в Кострому: он «укрепляет» дух населения, возглавляет оборону города, наконец, он погибает вместе со многими москвичами. По всей видимости, именно так, по мнению автора «Повести», должен был поступить и Дмитрий, если бы действовал согласно христианскому эталону поведения князя-пастыря. Противопоставляя поведение Остeya и Дмитрия, автор «Повести», судя по всему, хотел показать, сколь далеким от христианских образцов был поступок великого князя²².

Для того, чтобы представить, насколько поведение Дмитрия Ивановича не соответствовало принятым в православном мире образцам, достаточно сопоставить действия великого князя московского с действиями «цесаря» — византийского императора Константина в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году», приписываемой перу Нестора-Искандера. Оснований для подобного сопоставления более чем достаточно: оба персонажа имеют одинаковый статус — они «пастыри» для

во о законе и благодати»); «...пастоухъ добрыи доущу своя полагаютъ за овья» (Остромирово Евангелие). (Цит. по: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 886, 887.)

²⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 329; Т. 6. С. 99.

²¹ Цит. по тексту НК (ПЛДР: XIV — середина XV века. С. 194). В С1 Остей «мятежь градный устави»; в Н1V — «окрѣпивъ». (См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 329; Т. 6. С. 99.)

²² Интересен сюжетный ход, согласно которому Остей, заменяя Дмитрия, погибает вместо него. В этой связи образ литовского князя сопоставим с образом Михаила Бренка в «Сказании о Мамевом побоище»: по приказу Дмитрия воевода Бренк переодевается в одежды великого князя, сражается на княжеском коне, погибает под княжеским знаменем как бы вместо Дмитрия Донского. См.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 41—42; ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1958. С. 139.

своих подданных; оба они действуют в аналогичной ситуации — перед лицом нашествия «поганых», при этом и тот, и другой имеют возможность избежать гибели, покинуть город. Но если Дмитрий Иванович покидает Москву и бежит в Кострому, то «цесарь» Константин, не поддаваясь на многочисленные уговоры приближенных, принимает решение остаться в осажденном городе («**да умру здѣ с вами**» — рефреном звучит его ответ) и до конца разделяет судьбу своей «паствы» — погибает от рук «иноплеменных». И во время осады Константин ведет себя должным образом, именно так подобает вести себя пастырю: император «**укрѣпляет стратигъ и воин, такоже и всѣх людин, да не отпадут надѣжею (...), но да уповають на Господа всѣдръжителя**»²³.)

В еще большей степени отношение автора «Повести о нашествии Тохтамышша» к отъезду великого князя проявилось в финальных фразах описания «московского разорения». Как и свой предшественник, только еще более подробно, автор «Повести» рассказал о тех несчастьях, которые обрушились на Москву. По его мнению, «**быша Москва градъ великъ, градъ чудень, градъ многочеловѣченъ, в нем же множество людей, в нем же множество господства, в нем же множество всякого ѱзорочья. (...) Въ единомъ (же) часѣ, — сокрушался книжник, — измѣнися видѣние его (града. — В. Р.), егда взятъ бысть, и пощѣченъ, и поженъ. И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прахъ, и пепел, и трупиа мертвыхъ многа лежаща, и святыа церкви стояще акы разорены, акы осиротѣвши, акы овдовѣвши**»²⁴. Закончив полное трагизма описание бедствий столицы, автор «Повести» вновь возвращается к рассуждениям о причинах столь страшного разорения. Приводимый ниже пассаж, ранее, насколько нам известно, не подвергавшийся анализу исследователей, вероятно, является ключевым для реконструкции отношения автора «Повести» к поступку Дмитрия Донского. «**Вице же бысть конецъ Московскому плѣнению, —** заключает автор «Повести» рассказ о постигшем Москву несчастье. — **«Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии грады и страны пленени быша», —** добавляет он. **«Князь же великий, —** повторяет книжник уже констатированный в начале «Повести» факт, **— съ кня[ги]нею и съ дѣтми пребысть на Костромѣ, а братъ его Володимеръ на Волоке, а мати Володимерова и княгини в Торжкѣ, а Герасимъ владыка Коломѣньский в Новѣгородѣ»**. И далее следует, как нам представляется, явно негативная характеристика поступка Дмитрия: **«Кто насъ, братье, о сем не оустрашится, видя таковое смѣщеніе Рускои земли? Яко же Господь глагола Пророкомъ: аще хоще[те], послушанте менѣ, благаа земнаа снесетѣ, и положю страхъ вашъ на вразехъ вашихъ; аще ли не послушанте менѣ, то побѣгнете никимъ же гоними; пошлю на вы страхъ и оужасъ, побѣгнете васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща (вариант — «Тма»)»**²⁵.

Интересно, что приведенный отрывок в полном виде читается только в списках НІV и в НК. СІ текст от слов «кто насъ, братье, о семъ не устраситя...» и до фразы «...побегнетъ васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща» не содержит. Между тем, представляется, что отрыв-

²³ ПЛДР: Вторая половина XV века. М., 1982. С. 224. См. также: Орлов А. С. Героические темы древнерусской литературы. М.; Л., 1945. С. 104.

²⁴ Цит. по НК. (ПЛДР: XIV — середина XV века. С. 202.)

²⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 337; ПЛДР: XIV — середина XV века. С. 202.

вок восходит к первоначальному виду «Повести». Помимо того, что осуждающий по отношению к Дмитрию Ивановичу пафос отрывка полностью соответствует общей обличительной идеологии произведения, в пользу такого утверждения свидетельствуют аргументы и сугубо текстологического характера.

Дело в том, что помимо НІV и НК, указанный отрывок обнаруживается и в Новгородской первой летописи младшего извода (далее — НІ мл.), содержащей лишь краткое сообщение о нашествии Тохтамыша. Имеет смысл привести общерусскую часть известия летописной статьи 6890 года НІ мл. полностью:

«Въ лѣто 6890. Прииде цесарь Татарьскый Тектамышъ, в сили велицѣ, на землю Рускую, много попустоши земли Рускои: взя град Москву и пожже, и Переяславль, Коломну, Серпоховъ, Дмитровъ, Володимиръ, Юрьевъ. Князь же великий, видя многое множество безбожных Татаръ, и не ста противу имъ; и поуха на Кострому (чтение Комиссионного списка; вариант — «нъ на Кострому побежа» — списки Академический и Толстовский НІ мл.) съ княгинею и съ детьми, а князь Володимеръ на Волокъ, а мати его и княгинѣ въ Торжокъ, а митрополитъ въ Тфѣрь, а владыка Коломенский Герасимъ въ Новъгород. И кто нас, братие, о сем не уstraшитя, видя таковое смущение Рускои земли? якоже Господь глагола пророком: аще хощете, послушаеете мене, благая земельная снѣсте, и положю страх ваш на вразѣхъ ваших; аще ли не послушаеете мене, то повѣгнете никим же

²⁶ Важно, что приведенный текст находится во всех списках НІ мл. — в Комиссионном, Академическом и Толстовском (См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. (ПСРЛ. Т. 3.) М., 2000. С. 378.) Текст, совпадающий в данном отрывке с НІV-НК находится также в Летописи Авраамки, восходящей к НІV. (См.: ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889.) Симптоматично, что в ряде списков НІ мл. поступок Дмитрия охарактеризован достаточно четко: говорится о том, что князь именно «**повѣжа (...)** на Кострому», причем побегал не перед лицом «самого царя», а по более прозаической причине — «**видя многое множество безбожных Татаръ, не ста противу имъ**».

²⁷ Как показал Б. М. Клосс, а вслед за ним и Я. С. Лурье, в НІ мл. были «включены материалы, использованные в создававшемся в это время (в конце 30-х годов XV века. — В. Р.) в Новгороде митрополитом сводом (Новгородско-Софийском сводом, по терминологии А. А. Шахматова)». (См.: Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI— первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 246; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 113, 122 (прим. 136)). Первоначально Я. С. Лурье, вслед за А. А. Шахматовым, считал НІ мл. вторичной по отношению к Новгородско-Софийскому своду (См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв. М.; Л., 1938. С. 163—164; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 91—93). Надо отметить, что на материале летописных рассказов о Куликовской битве В. А. Кучкин доказал, что краткое повествование НІ мл. послужило источником пространной повести о Донском побоище, составленной для Новгородско-Софийского свода. (См.: Памятники Куликовского цикла. СПб, 1998. С. 24—25).

²⁸ Впрочем, исследователями предлагалось и другое объяснение факту сходства чтений НК-НІV и НІ мл. По их мнению, текст НІ мл. восходит к общему протографу НІV-СІ-НК — «своду 1448 года» (курсив мой. — В. Р.) См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв. С. 162—164, 170; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 91—93; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. С. 138. С указанной точкой зрения согласна и Е. Л. Конявская (см.: Конявская Е. Л. Повести о Шевкале // Литература Древней Руси: Источниковедение. Сб. статей. Л., 1988. С. 18—19).

гонимы, пошлю на вы страх и ужасъ, побѣгнеть вас отъ 5 — 100, а отъ 100 — 10000...»²⁶

Скорее всего, составитель первоначальной редакции «Повести» заимствовал анализируемый отрывок непосредственно из текста НІ мл. (хотя нельзя исключить возможности того, что и в НІ мл., и в НІV-НК отразился какой-то общий для всего Новгородско-Софийского свода, но не дошедший до нас источник).²⁷ Можно совершенно определенно утверждать, что происхождение данного отрывка новгородское. Появившись в НІ мл. (или в ее общем с протографом НІV-НК-СІ источнике), отрывок был использован при составлении Новгородско-Софийского свода. В дальнейшем он сохранился лишь в летописной традиции, восходящей к НІV-НК, исчезнув (скорее всего, по конъюнктурным соображениям) из СІ и других московских памятников летописания.²⁸

Следует не согласиться с мнением ряда исследователей о первичности чтений СІ по отношению к чтениям НІV-НК.²⁹ Если принять данную точку зрения, придется признать, что содержащаяся в НІV-НК и НІ мл. фраза от слов **«кто насъ, братье, о семъ не ұстрашитсѧ...»** до слов **«...побегнеть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща»** в НІV-НК является вторичной вставкой, сделанной в уже готовый текст памятника из НІ мл. и отсутствовавшей в первоначальном виде «Повести».

Как видно из приведенной цитаты, указанная фраза читается в НІ мл. (а вслед за ней и в НІV-НК) сразу после рассказа о местонахождении в период нашествия великого князя, его родственников (жены, детей, двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского и его семьи), а также митрополита Киприана и коломенского владыки Герасима. Этот рассказ — явно новгородского происхождения. Обобщив сведения о местонахождении важных персон, содержащиеся в повествовании «свода 1409 года» (в нем упомянуты Дмитрий, Владимир и Киприан; при этом отсутствуют сведения о княжеских семьях и владыке Герасиме), НІ мл. пополнила имевшийся перечень информацией, которая, вероятно, не была доступна московским летописцам. Информация касалась лиц, которые нашли убежище на новгородской земле: семья Владимира Андреевича во время нашествия скрылась в Торжке, а Герасим — в самом Новгороде. Именно в таком виде (за исключением упоминания о местонахождении митрополита Киприана) сведения о важных персонах дошли до нас и в НІV-НК, и в СІ. Вставной характер перечня в НІV-НК-СІ подтверждается и тем обстоятельством, что в этих летописях, в отличие от НІ мл., указание о местонахождении Дмитрия явно носит характер повтора, поскольку в этих памятниках о его отъезде в Кострому уже ранее говорилось, причем даже указывался маршрут движения великого князя (**«поѣхѧ въ градъ свои Переяславль, и оттѣду мимо Ростовъ, и паки реку [вбо]рзѣ на Кострому»**). В НІ мл. ни о каком повторе речь не идет: рассказав о самом факте нашествия, перечислив подвергшиеся разорению русские города, лето-

²⁹ Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ F. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания. С. 165—198; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 24—29. Г. М. Прохоров считает, что рассказ т. н. «второй подборки» НК, по общему мнению исследователей, легший в основу и НІV, был переписан из памятника, передающего текст СІ. Разбираемую же фразу «кто нас, братье...» он относит к «риторическим вставкам», не замечая наличия сходного текста в НІ мл. (См.: Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (подборки Карамзинской рукописи, Софийской 1, Новгородской 4 и Новгородской 5 летописей) // ТОДРА. Т. 51. СПб., 1999. С. 190—191).

³⁰ В свое время М. А. Салмина пришла к выводу о том, что текст «Повести» в НІV-НК «полнее (чем в СІ. — В.Р.), и, можно думать, что именно этот вариант повести находился в своде 1448 г., к которому восходили СІ и НІV». Иными словами, по мнению исследователя, текст «Повести» в составе НІV-НК отражает более ранний вид памятника, чем текст в СІ. «Видимо, — пишет М. А. Салмина, — СІ сокращала текст повести, находящийся в НІV...» (См.: Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамышша. С. 137—138. Прим. 20.)

писец сообщает о местонахождении важных персон и затем предлагает свое объяснение факта их отсутствия в Москве («кто насъ, братье, о семъ не ұстрашится...»). Следует предположить, что и пассаж о важных персонах, и сетования «кто нас, братье, не ұстрашится...» были заимствованы из НІ мл. в протограф НІV-НК-СІ, в разбираемом месте лучше всего переданный НІV-НК.³⁰ Таким образом, сравнение чтений указанных памятников даже в пределах анализируемого отрывка позволяет однозначно говорить о наличии фразы от слов «кто насъ братье, о семъ не ұстрашится...» до слов «...побегнуть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща» в первоначальном виде «Повести о нашествии Тохтамышша».

При анализе приведенной цитаты обращает на себя внимание не только тот факт, что в указанном отрывке автор «Повести» вновь возвратился к теме отъезда Дмитрия в Кострому — теме, уже однажды им затронутой в начале текста. Не менее, а, может, и более важно то, что при этом автор произведения снабдил повторную констатацию ссылкой на «слово Господне». В цитированном отрывке автор «Повести» перефразировал одну из глав книги Левит (26, 8; 26, 14; 26, 16—17), в которой Господь, обращаясь через Моисея к «сынам Израилевым», говорит: «Если вы будете поступать по уставам Моим... пятеро из вас прогонят сто, и сто из вас прогонит тьму, и падут враги ваши пред вами от меча... Если же не послушаете Меня... то я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас... и падете пред врагами вашими... и побегите, когда никто не гонится за вами...». Место фразы в тексте (сразу после повторного указания на отъезд Дмитрия), а также сходство в поведении великого князя с теми, кто «не послушал» Господа (боится; бежит из города в город, когда за ним никто не гонится), позволяют сделать вывод о том, что фраза представляет не что иное как еще один намек на недостойное поведение Дмитрия Донского. Однако в данном отрывке отъезд великого князя представлен не просто как поступок, недостойный «князя-пастыря», но и как поступок, вызванный наказанием Господа за «непослушание» Дмитрия. В этом смысле наиболее точно и лаконично общий пафос осуждения поступка Дмитрия передала НІ мл.: создается впечатление, что ее составитель посвятил свой рассказ о нашествии только теме недостойного бегства великого князя.

Мы имеем еще одно свидетельство того, что бегство из города перед лицом внешней опасности в сознании людей XV века ассоциировалось именно с приведенной цитатой из Священного Писания. Так, в описании событий 1480 года, когда на Русь приходил ордынский хан Ахмат, упоминается супруга великого князя Ивана Васильевича — София Палеолог, которая в самый опасный для Москвы момент отправилась на Белоозеро вместе с великокняжеской казной... Рассказав о победном для Руси результате «стояния на Угре», автор СІ указал: «Тое же зимы приде великая княгиня Софья изъ бѣгов, бѣ во бѣгала отъ татаръ на Белоозеро, а не гонима никѣмъже»³¹. Видимо, упоминание того, что бегущего «никто не гонит», играло роль маркирующего средства, с помощью которого книжник вносил во внешне нейтральное описание отъезда важной персоны, четкий оценочный смысл.

По всей видимости, тема отъезда великого князя перед лицом нашествия татар (вообще врагов) была достаточно актуальной для Руси, по крайней мере, начиная с XV века. Достаточно вспом-

³¹ В Софийской второй: «а не гоняль никто же». Ср.: ПСРЛ. Т. 6. С. 21, 232.

³² Интересна оценка, которую дал поступку Ивана Васильевича его оппонент — князь Андрей Михайлович Курбский: «бегун пред врагом и храняка (то есть тот, кто хочет сохранить себя. — прим. Б. Н. Флори) царь великий христиански пред бусурманским волком» (курсив мой. — В. Р.) (Цит. по: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 264). При этом исследователь отмечает, что «царь, однако, не хуже Курбского знал, что подобное поведение недостойно “великого христианского царя”», и поэтому убеждал не только иностранных дипломатов, «но и самого себя, что у него были очень

нить, что именно бегством (причем бегством в ту же Кострому!) спасался сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич во время нашествия Едигея в 1408 году; бегством на Белоозеро спасалась от нашествия Ахмата великая княгиня Софья Палеолог; в 1571 году бегством спасался и царь Иван Грозный, оставив столицу на разграбление Девлет-Гирею³² и т.д. Однако, судя по всему, особой общественной остроты в глазах как современников, так и потомков событий проблема поведения великого князя в ситуации приближающихся врагов достигает все-таки в момент нашествия на Русь хана Большой Орды Ахмата в 1480 году. Именно этой теме и было посвящено знаменитое «Послание на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло. Данное произведение можно рассматривать именно как отклик ростовского владыки на слухи о возможном отказе Ивана III от борьбы с татарами. Но одновременно в «Послании на Угру» Вассиана Рыло в наиболее законченной форме отразились представления великокняжеского духовника (и, можно полагать, значительной части тогдашнего думающего общества) об эталоне поведения великого князя перед лицом вражеского (татарского) нашествия на Русь.

Как показали исследователи, в 1480 году в ближайшем окружении великого князя достаточно активно обсуждался вопрос о целесообразности борьбы с надвигающимся на Москву ханом. В связи с этим ряд лиц призывал Ивана III уехать из столицы: по словам древнерусского книжника, эти люди «**НЕ ДУМАЮЧИ ПРОТИВЪ ТАТАРЪ... СТОЯТИ, И БИТЬСЯ, ДУМАЮЧИ БЕЖАТИ ПРОЧЬ, А ХРИСТИАНСТВО ВЫДАТИ**»³³. Вассиан Рыло, будучи сторонником иной линии поведения великого князя, как видно из «Послания на Угру», в своей аргументации исходил не только и не столько из политических соображений, но, в первую очередь, опирался на современные ему представления о роли и функции главы христианского государства. В силу этого «Послание на Угру» представляет собой стройный ряд рассуждений, имеющих прямые семантические, а иногда и текстуальные связи с разбираемой нами «Повестью о нашествии Тохтамыша».

Прежде всего немаловажно отметить, что архиепископ Вассиан, обращаясь к великому князю «**ради спасенна**» последнего³⁴; таким образом, проблема выбора князя между отступлением, к которому его призывали оппоненты Вассиана, и противоборством с «погаными», за что выступал архиепископ, сразу же связывалась ростовским владыкой — духовником великого князя — с проблемой личного эсхатологического спасения Ивана Васильевича.

В своем «Послании» Ивану III Вассиан Рыло рассматривал ряд тем, важных для понимания того, какими были идеалы поведения православного князя в сознании людей XV века. В ряду этих тем наиболее важными, как нам представляется, являются идеи Вассиана о необходимости пастырского служения великого князя и о моральном праве последнего открыто противостоять «самому царю» — ордынскому хану-чингизиду.

«**Токмо мѹжайся и крѣпися, о дѹховный сынѹ, — призывает великого князя Вассиан, — яко же добрый воинъ Христов, по евангельскому великому Господню Словеси: “Ты еси пастырь добрый, дѹшѹ свою полагает за овца, а наинник нѣсть, иже пастырь, емѹ же не сѹть овца своя, видит волка грядѹща, и оставляет овца, и бѣгаетъ; и волкъ расхитит и распѹдитъ. А наинник же бежитъ, яко наинникъ есть, и не радит**

³³ См.: Назаров В. Д. Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 116; Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы I половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 61—62.

³⁴ ПЛДР: Вторая половина XV века. С. 522.

³⁵ Там же. С. 524, 526.

об овцах». Ты же ꙗко государю, дꙋховный сынꙋ, не яко наинник, но яко истинный пастырь, подщися избавити врученное тебѣ от Бога словесное ти стадо дꙋховныхъ овецъ от грядꙋщаго волка». Как видим, Вассиан Рыло прибегает к авторитету тех же текстов, что и автор «Повести о нашествии Тохтамыша» (последний, правда, в несколько завуалированной форме): оба книжника сравнивают князя с духовным пастырем, главная обязанность которого, по мысли Вассиана, защитить «духовных овец» от «волка» — врага. Неисполнение данной обязанности, по мнению владыки, равносильно самым тяжким грехам христианина и приносит тяжкие беды «пастве». Именно поэтому Вассиан гневно осуждает тех «ближних» великого князя, кто пытается «соблазнить» Ивана III покинуть врученную ему Богом паству. Эти люди, пишет Вассиан, призывают князя, *«предав христианство и свое отечество, яко бѣгꙋном скытатися по иным странам»*³⁶. Князь — «бегун» в устах Вассиана рискует снискать гнев Божий за свое пренебрежение пастырскими обязанностями. Поэтому архиепископ, призывая великого князя остаться в городе, одновременно пугает и укрепляет того. *«Убойся же и ты, о пастырю, не от твоих ли рукъ тѣхъ кровь възыщеть Богъ, по пророческому словеси? И гдѣ ꙗко хоцещи избѣжати или воцаритися, погꙋбив врученное ти от Бога стадо?»* — задает риторические вопросы владыка. *«Отложи весь страх и возмогай о Господѣ, о державѣ и крѣпости его; един бо поженетъ тысячу, а два двигнѣта тмы»*, — призывает он³⁶.

В «Послании» Вассиан Рыло формулирует свои представления о праве великого князя московского «поднять руку противу самого царя». Как видно из летописных рассказов о нашествии Тохтамыша (и кратко в Тр., и пространного в «Повести»), психологический «комплекс царя» во многом сковывал действия великого князя Дмитрия Ивановича в борьбе против своего сюзерена — ордынского хана («царя»). По всей видимости, та же психологическая установка на невозможность (по моральным и иным соображениям) противостояния «самому царю» довела и над Иваном III. Недаром Вассиан Рыло специально останавливался на этой теме, уговаривая Ивана Васильевича выступить против Ахмата: *«Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: Под клятвою есмы от прародителей, — еже не поднимати рꙋки противꙋ царя, то како аз могу клятвꙋ разорити и съпротив царя стати, — пишет Вассиан, — послушай ꙗко, боголюбивый царю, аще клятва по нꙋжди бывает, прощати о таковыхъ и разрѣшати нам повелѣно есть, иже прощаем, и разрѣшаем, и благословляем, яко же святѣйший митрополит, тако же и мы, и весь боголюбивый събор, — не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца. Тѣм же лꙋче бѣ солгавшꙋ животъ полꙋчити, нежели истинствовавшꙋ погибнꙋти, еже есть пꙋщати тѣхъ в землю на разрушение и потребление всемꙋ христьянствꙋ и святыхъ церковей запꙋстѣние и осквернение. И не подовитися окаанному оному Иродꙋ, иже не хотѣ клятвы престꙋпити и погибѣ. И се ꙗко который пророкъ пророчества, или апостолъ который, или святитель научи семꙋ богостꙋдному и скверному самому называющꙋся царю повиноватися тебе, великому Рꙋсскихъ стран христьянскому царю.»*³⁷. Таким образом, Вассиан обращает внимание великого князя на то, что борьба с ордынским «царем» не только не будет являться нарушением норм морали, а, наоборот, окажется богоугодным делом, поскольку, как полагал архиепископ, во-первых, «царст-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 530.

во» «поганых» самозванное, во-вторых, статус «христианского царя Русских стран» на порядок выше статуса «безбожного» царя-«богоборца». Значит, первый не должен воспринимать себя вассалом по отношению к другому, а, в-третьих, полагал архиепископ, в плане эсхатологического спасения борьба с разрушителями «всего христианства и святых церквей» сама по себе является поступком, искупающим грех клятвопреступления. Тем самым Вассиан Рыло, освобождая своего духовного сына от страха перед возможным грехом, сформулировал основные аргументы в пользу борьбы «противу» ордынских ханов, воспринимаемых до этого на Руси высшей, Богом данной властью.

Следует учитывать, что «Послание» Вассиана Рыло и «Повесть о нашествии Тохтамышца» — суть памятники достаточно близких исторических эпох. Если во времена Дмитрия Донского (по крайней мере, насколько мы можем судить по свидетельствам Тр. — Симеоновской летописи и Рогожского летописца) отношение к ордынскому «царю» не выходило за рамки вассальной покорности перед Богом поставленной властью хана, то ко второй половине следующего века *восприятие монголо-татар*, видимо, существенно изменилось. В этот период отказ от борьбы «противу самого царя» воспринимался уже как нежелание защищать «христианское царство» от «нечестивых». Наоборот, борьба с «погаными», несмотря на бытовавшее долгие годы негативное отношение к этому «прародителей» современных великих князей, оказывается в этот период под духовным покровительством церкви и ее иерархов.

Однако, помимо формулирования общих представлений о прерогативах и обязанностях великого князя в условиях нашествия, Вассиан прибегает и к историческим аналогиям. В качестве главного примера для Ивана III он избирает... Дмитрия Донского. При первом рассмотрении кажется невероятным, что, убеждая великого князя до конца выполнить свой долг «пастыря», Вассиан находит черты, достойные для подражания в исторический деятель, поступившем противоположным образом: бросившем «духовное стадо». Позволим себе высказать догадку по поводу появления столь парадоксальной аналогии. Ситуация 1480 года, действительно, настолько напоминала события 1382 года, что помимо Вассиана (только уже с противоположных позиций) на «опыт» Дмитрия Ивановича ссылались и оппоненты ростовского архиепископа, убеждавшие Ивана Васильевича покинуть Москву. Как указал В. П. Гребенюк, «бояре, отговаривая великого князя от битвы с Ахматом, ссылались на события 1382 года, когда «князь велики Дмитрей Иванович бежал на Кострому, а не бился с царем...»³⁸. В связи с этим, вполне возможно, что упоминание Вассианом Дмитрия Донского носило в чем-то полемический характер. Архиепископ, вероятно, опасался того, что рассказ о малодушном поступке великокняжеского прадеда, к чьему авторитету апеллировали сторонники «пораженческой» тактики, сможет убедить Ивана III покинуть Москву. В этих условиях у Вассиана оставался единственный способ нейтрализовать аргументы своих противников: он сам обратился к образу Дмитрия Ивановича, но вспомнил при этом не трагический для Руси 1382, а триумфный 1380 год. О Дмитрии Вассиан рассказывает в панегирическом стиле, как о человеке, **«како не токмо до кровѣ, но и до смерти»** хотел **«страдати за вѣру и за святыя церкви, и за врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овецъ, яко истинный пастырь, подояся преже**

³⁸ Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы I половины XV века. С. 62.

³⁹ ПЛДР: Вторая половина XV века. С. 528.

⁴⁰ Там же. В переводе О. П. Лихачевой читаем: «не вспомнил его *прежних* грехов» (Там же. С. 529). Однако речь в тексте идет о «*первом согрешении*», причем слово «согрешение» стоит в единственном числе, что подразумевает наличие какого-то конкретного проступка Дмитрия, предшествовавшего описанным событиям. Видимо, в данном случае, не может идти речь и об упоминании первородного греха, о котором, якобы, «Господь не вспомнил»: в тексте указано на то, что это согрешение лично Дмитрия («его согрешение»).

бывшим мученикомъ»³⁹. Poleмический характер указанного сюжета «Послания» замечен в тексте произведения. Дело в том, что Вассиан, описывая победу Дмитрия над Мамаем, упоминает о том, как «**всемилостивый Богъ дерзости его (Дмитрия. — В. Р.) ради не покоснѣ, ни умедли, ни помяну первого его съгрѣшенна, но въскорѣ посла свою помощь, аггелы и святаыя мученикы, помогати ему на супротивныя**»⁴⁰. Возможно, что за словами Вассиана о «первом согрешении» Дмитрия как раз и скрывался поступок князя в 1382 году. Рассматриваемый Вассианом, так сказать «в порядке поступления» (то есть, сначала оппоненты архиепископа напомнили Ивану III об отъезде Дмитрия в Кострому, а потом Вассиан дезавуировал их рассказ ссылкой на христианский подвиг великого князя на Куликовом поле), эпизод победы в 1380 году мог быть «пронумерован» великокняжеским духовником вопреки реальной последовательности *вслед* за событиями 1382 года (последний эпизод при этом становился «первым согрешением» великого князя).

Оценки поведения Дмитрия Донского, данные автором «Повести о нашествии Тохтамышша», представляются резко негативными по отношению к великому князю московскому, особенно в контексте пафоса «Послания» архиепископа Вассиана. Автор «Повести» — книжник XV века, видимо, исходя из современных ему представлений о должном поведении главы христианского государства, осуждающе отнесся к поступку человека XIV века — великого князя Дмитрия Ивановича. Герой Куликовской битвы в глазах автора «Повести» предстает как правитель, в силу греховности и малодушия оставивший свою столицу, свою «паству», «святые церкви» и все «христианство» на разорение «поганым»⁴¹. Перед лицом нашествия ордынского хана, полагает книжник, поступки Дмитрия Ивановича оказываются далекими от идеалов поведения православного князя-воина, который скорее предпочел бы земную смерть от «руки поганых» и после — жизнь «вечную», чем жизнь земную, преходящую, полученную, благодаря нарушению своих обязанностей «пред Богом и пред людьми».⁴²

Как видим, личность и дела Дмитрия Донского получали неоднозначные оценки со стороны современников и ближайших потомков великого князя. Возможно, правильнее будет говорить о нескольких «ипостасях» восприятия фигуры великого князя. С одной стороны, Дмитрий Иванович воспринимался как защитник Русской земли и православной веры, благочестивый и праведный князь; с другой стороны, князь предстает как человек, поступки которого и через столетие после его смерти продолжали восприниматься как образчики недостойного, не должного поведения.

Судя по всему, именно альтернативные образы Дмитрия Донского пытался запечатлеть составитель Новгородско-Софийского свода, когда, поместив под 6890 годом «Повесть о нашествии Тохтамышша», где в скрытой форме осуждалось поведение Дмитрия, *вслед* за этим вставил в летопись настоящий панегирик князю — «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русаго».

⁴¹ К такому же мнению в свое время пришел и О. Ф. Миллер. См.: Миллер О. Ф. О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. Т. 2. 1876. С. 57.

⁴² Как показал И. М. Кудрявцев, согласно логике Вассиана Рыло, «великий князь несет ответственность не только перед народом, но и перед Богом, которым он поставлен во главе паствы; Бог взыщет с него за погибель паствы. От него не скроешься». (См.: Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века // ТОДРА. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 177.)